

Памяти о. Сергия Булгакова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П15

П15 Памяти о. Сергия Булгакова / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 58 с.

ISBN 978-5-458-56093-1

ISBN 978-5-458-56093-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О. СЕРГІЙ БУЛГАКОВЪ

«Онъ былъ свѣтильникъ горячій и свѣтящій»
(Io. V. 35).

I.

Отецъ Сергій ушелъ отъ насъ, исполнивъ на землѣ, все, что можетъ исполнить «вѣрный и добрый рабъ», получившій отъ Господина своего десять талантовъ и умножившій ихъ на безцѣнное сокровище любви, благодарности и благоговѣнія, которыми мы проводили его въ вѣчный путь. Вся его жизнь была непрестаннымъ подвигомъ: онъ трудился, не покладая рукъ, напрягая свои силы до изнеможенія, ни на минуту не останавливаясь въ пути своего восхожденія. И нынѣ, озирая его духовный путь, мы видимъ, что имъ сдѣлано такъ много, что никому изъ насъ не дано до конца понять и обозрѣть все неисчерпаемое богатство этой удивительной жизни.

Въ его вѣнкѣ наиболѣе яркими являются цвѣты личной любви къ нему: его духовныхъ дѣтей, его друзей, его учениковъ. О. Сергій былъ человѣкъ личныхъ, индивидуальныхъ отношеній. Онъ никогда не обращался къ «людямъ», но всегда къ «человѣку». Его дружба была пламенна и ревнива. Онъ отдавался своимъ друзьямъ, своимъ духовнымъ дѣтямъ, онъ жилъ съ ними и ими и не щадилъ себя въ подвигѣ этой любви. И вѣримъ, что вѣрность его и нынѣ горитъ молитвой за насъ передъ престоломъ Господа Славы, что смерть не разлучила его отъ насъ въ подвигѣ его молитвы за тѣхъ, кого онъ любилъ, кто его любитъ...

Но было бы невѣрно за личнымъ забывать національное и общественное; за біографіей скрывать исторію. Въ своемъ духовномъ пути о. Сергій прошелъ огромное разстояніе отъ безбожія къ священству, отъ марксизма черезъ идеализмъ къ Православію, отъ социальныхъ утопій, чрезъ общественное служеніе, къ пастырству. Это путь — не только личный. Сколько людей шло вмѣстѣ съ нимъ! И не является ли онъ самъ, — идеалистъ-марксистъ, разочаровавшійся въ матеріалистической философіи, преодолевшій ее научной критикой, обратившійся сердцемъ къ Богу, осмыслившій свою религію разумомъ и возжелавшій высшихъ посвященій, — не является ли онъ самъ символомъ и Россіи, и, можетъ быть, всего міра, — идущаго отъ матеріализма къ Богу?

Этотъ путь о. Сергія ознаменованъ его трудами. Человѣкъ ответственной мысли онъ все провѣрялъ разумомъ, подо все подводилъ научный фундаментъ; поэтому каждый этапъ его развитія запечатлѣнъ въ его экономическихъ, социологическихъ, философскихъ, богословскихъ трудахъ, которые можно изучать, по которымъ этотъ путь можно возстановить, понять и прослѣдить.

За биографіей и исторіей стоитъ, однако, вѣчность. Не та вѣчность, которая противопоставляется времени (какъ царство небесное — землѣ), но та, которая во времени живетъ, получая все новыя и новыя историческія формы, но, по существу, оставаясь равной себѣ. Это есть область вѣчныхъ идей, философской системы, основныхъ установокъ человеческого духа. Это есть то въ ученіи о. Сергія, о чемъ онъ самъ говорилъ, какъ о «высѣченномъ изъ мрамора» (въ отличіе отъ того, что «сдѣлано изъ папье-маше») — это есть душа его философіи и мудрость его богословія, которыя будутъ изучаться десятилѣтіями и вѣками... И все это богатство личнаго, культурно-историческаго и мистическаго неизмѣнно свѣтило во всѣхъ аспектахъ его жизни: въ его исканіяхъ, въ его учености, въ его проповѣди, въ его священствѣ, пророчествѣ и пастырствѣ.

Ф и л о с о ф ѣ .

Философомъ, искателемъ истины о. Сергій оставался всегда. Онъ былъ философомъ, когда думалъ, что вѣрить въ марксизмъ, но изучая и защищая его доктрины, подрывалъ его корни. Онъ былъ философомъ, когда боролся съ Кантомъ и, преодолевая трансцендентальный идеализмъ, увидѣлъ въ немъ искаженныя и одностороннія, но религиозныя реальности (всякая философія есть необходимо ересь или истина о Св. Троицѣ — таковая основная мысль его книги «Трагедія философіи»). Онъ былъ философомъ, придя къ истинѣ христіанства; ибо истина эта была для него не коснымъ богатствомъ, но живымъ зерномъ, растущимъ съ такой силой, что человеческая мысль часто не поспѣвала за ея бурнымъ ростомъ. Догматъ никогда не былъ для него только нормой или правиломъ вѣры; всегда онъ былъ для него отвѣтомъ на проблему, постулатомъ разума, задачей для мысли. Отсюда та глубокая связь, которая существуетъ между его философской и богословской мыслью: философія не ведущая къ догматикѣ — ложна; догматика, не разрѣ-

шающая проблемъ философіи — мертва, — такъ можно формулировать основное убѣжденіе о. Сергія, придающее его философіи серьезность религиознаго переживания, а его догматическимъ исканіямъ — силу всепроникающихъ истинъ. Отсюда же и стремленіе построить православную философію, положить православіе въ основу и онтологіи, и космологіи, и антропологіи, и философіи культуры и гносеологіи.

У ч е н ы й.

Характерной чертой о. Сергія (не только его мысли, но и жизни) было чувство отвѣтственности. Онъ никогда не утверждалъ, не провѣривъ своихъ выводовъ всѣми доступными ему средствами знанія и науки. А такъ какъ онъ обладалъ необычайнымъ умомъ, то его чувство отвѣтственности практически выразилось въ огромной учености, охватившей цѣлый рядъ факультетовъ и дисциплинъ. О. Сергій, во-первыхъ, (въ порядкѣ хронологическомъ) экономистъ, написавшій рядъ объемистыхъ трудовъ о капитализмѣ, о рынкахъ, о земледѣліи..., о социальныхъ и экономическихъ ученіяхъ..., объ отдѣльныхъ трудахъ и ихъ авторахъ. Затѣмъ — социологъ и историкъ (изслѣдованія о первохристианствѣ, объ апокалиптикѣ и социализмѣ); философъ (не только какъ искатель истины, но и какъ изслѣдователь, комментаторъ и критикъ философскихъ системъ); апологетъ (его борьба съ мифологизмомъ, историзмомъ и иезуанизмомъ); историкъ культуры, отозвавшійся почти на всѣ явленія мысли и жизни и написавшій множество этюдовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ писателямъ и мыслителямъ; и, наконецъ, — богословъ-догматистъ, базирующійся въ своей работѣ и на экзегезѣ Свящ. Писанія, на изученіи литургическихъ текстовъ, на данныхъ иконографіи и т. д.... Всюду мы встрѣчаемъ огромный ученый аппаратъ, знаніе литературы (на разныхъ языкахъ), отвѣтственное желаніе честно и серьезно посчитаться съ данными какъ союзной христианству, такъ и враждебной ему мысли... Данные науки мѣняются; ученость принадлежитъ исторіи; но стремленіе провѣрять свои мысли мыслями другого, желаніе жить и мыслить не изолированно, но въ общеніи міровой мысли — характерны для большого ума, принадлежащаго къ великому цѣлому науки, отъ котораго онъ себя не отдѣляетъ.

Проповѣдникъ.

Тѣ, кто зналъ о. Сергія студентомъ, доцентом, публицистомъ, профессоромъ — единогласно свидѣтельствуютъ, что рѣчь его всегда была проповѣдью. Онъ никогда не читалъ морали, но о чемъ бы онъ ни говорилъ, содержаніе его рѣчи всегда становилось прозрачной средой, черезъ которую свѣтилась высшая реальность. «Sursum corda, sursum corda, sursum corda. Excelsior!». Эти слова Свѣта Невечернаго (стр. 31) могутъ быть поставлены эпиграфомъ ко всему, что писалъ, о чемъ говорилъ, къ чему звалъ о. Сергій. Его экономика прозрѣвала мораль; его мораль звала къ вѣрѣ. Но и въ религіи, которая какъ будто есть предѣлъ и цѣль исканіямъ, онъ оставался паломникомъ, не имѣющимъ здѣсь града пребывающаго, но града грядущаго взыскующимъ. Въ этомъ сказывался его эсхатологизмъ, его стремленіе къ иному, къ запредѣльному. Онъ жаждалъ Царства Небеснаго, полноты свершений, и никакія богатства духа, осуществленныя на этой землѣ, не могли удовлетворить этой священной алчбы и жажды.

«Блаженны алчущіе и жаждущіе правды».

«Блаженъ, его же избралъ и пріялъ еси, Господи»...

Полный голосъ проповѣдника о. Сергія обрѣлъ въ священствѣ. И здѣсь — къ зову, къ призыву, къ откровенію — прибавилось утѣшеніе. «Утѣшайте, утѣшайте народъ Мой» — любилъ повторять слова Исаи о. Сергій. Чудомъ его проповѣди было то, что каждому, кто слушалъ его, казалось, что онъ обращается именно къ нему, отвѣчаетъ на его запросы, исканія, сомнѣнія, лѣчитъ его духовныя раны. Я говорю это на основаніи отпроса многихъ лицъ, воспринимавшихъ проповѣдь о. Сергія такъ же, какъ я. Личное, таинственнымъ образом, соединялось въ его словахъ со вселенскимъ, и голосъ Церкви звучалъ въ его устахъ интимно и близко, какъ слово самаго близкаго существа, какъ неслышимый голосъ ангела-хранителя.

Священникъ.

Отъ обращенія о. Сергія къ вѣрѣ до принятія имъ священства прошло 15 лѣтъ. Все это время научной и проповѣднической работы («священникъ въ сюртукѣ» — звали его друзья) о. Сергій ощущалъ себя «измѣнникомъ Престо-

ду». Въ нем говорила левитская кровь шести поколѣній (можетъ быть, больше) священниковъ — его дѣдовъ и пра-дѣдовъ. Поэтому послѣ рукоположенія о. Сергій сразу же почувствовалъ себя въ священствѣ какъ въ родномъ домѣ, хотя воспринялъ онъ священство въ линіи наибольшаго со-противленія для мірскаго сознанія.

Оно было для него первымъ долгомъ жречествомъ, со-вершеніемъ таинствъ, служеніемъ алтарю... Священникомъ надо становиться, когда почувствуешь въ себѣ неутолимую жажду совершать таинства; ибо все остальное — проповѣдь, пастырство, учительство — второстепенно и можетъ быть совершаемо и не священникомъ — такъ завѣтъ о. Сергія тѣмъ, кто ищетъ и стремится къ священству... Пред-стоя престолу, о. Сергій чувствовалъ себя на небѣ. Сослу-женіе ангеловъ было для него не аллегоріей, а реальностью. Безпредѣльнымъ благоговѣніемъ и неземнымъ вдохновені-емъ было овѣяно его храмовое служеніе. И отсюда — его необычайная строгость въ исполненіи устава, его почти вет-хозавѣтный ритуализмъ, который, однако, въ его понима-ніи и исполненіи воспринимался какъ апокалиптическое по-клоненіе старцевъ предъ престоломъ Агнца...

Красота православнаго богослуженія мыслилась о. Сер-гіемъ какъ златотканый покровъ евхаристической чаши. Сакраментальное искусство — какъ преддверіе таинства. Поэтому онъ былъ врагомъ, какъ искусственной красоты, такъ и элементарной упрощенности и осуществлялъ въ своемъ служеніи ту высшую духовную красоту, которая по-добна ароматамъ земли, собраннымъ Магдалиной въ стеклян-ницу мира драгоценнаго и возлитымъ на главу Христа.

П р о р о к ъ .

Пророческое служеніе, какъ свободное вдохновеніе Св. Духомъ, обычно противопоставляется священству, какъ устав-ному служенію Слову. И насколько священство является въ церкви признаннымъ и необходимымъ, настолько пророче-ство — забытымъ и какъ бы ненужнымъ... О. Сергій былъ не только священникомъ, но и пророкомъ, и въ этомъ со-единеніи заключается, можетъ быть, главная тайна его ду-ховной личности. Храмовое служеніе никогда не заглушало въ немъ его свободного голоса; предстояніе престолу не от-рывало его отъ людей; тайнодѣйствіе не дѣлало глухимъ къ запросамъ жизни; наоборотъ: оно его вдохновляло и окры-ляло... И когда возникали новыя явленія духовной жизни,

не умѣщавшіяся въ рамки канонѣвъ и соблазнявшія ревнителей уставнаго благочестія, — о. Сергій небоязенно принималъ въ нихъ участіе, и свободный пророческій голосъ его звучалъ въ нихъ какъ звонъ небснаго колокола, какъ призывъ къ осуществленію церковности и правды в с е г д а и в е з д ѣ, а не только въ привычныхъ формахъ храмоваго благочестія. Таково было Движеніе Молодежи, экуменическое Движеніе; Англо-Русское Содружество... Во всѣхъ этихъ организаціяхъ мысль о. Сергія была дрожжами, отъ которыхъ вскисло тѣсто, искрой, отъ которой загорались души. Но, смѣлый по природѣ, радикальный по убѣжденіямъ, всегда и во всемъ идущій до конца, — о. Сергій-пророкъ постоянно встрѣчалъ непониманіе, несочувствіе, неудачу. Онъ страдалъ отъ нихъ, но никогда не обличал своихъ обвинителей, — и въ этомъ сказывалось его смиреніе, его служеніе, каковое было зовомъ, но не водительство, вдохновеніемъ, а не принужденіемъ.

П а с т ы р ь .

Объ этой наиболѣ интимной сторонѣ духовнаго подвига о. Сергія могутъ повѣдать его духовныя дѣти, разсыпанныя по всему свѣту. Въ своемъ пастырствѣ о. Сергій былъ только свидѣтелемъ и сомоцитвенникомъ кающейся души. Никогда не былъ онъ судьей, никогда не осуждалъ... Но какъ опытный и любящій врачъ ставилъ діагнозъ болѣзни, говорилъ о средствахъ къ ея исцѣленію, ободрялъ, вдохновлялъ...

Въ жизни о. Сергій часто казался суровъ; онъ не любилъ пустословія и не обладалъ даромъ діалога: онъ говорилъ и слушалъ. Но на исповѣди онъ становился совсѣмъ другимъ: простымъ, внимательнымъ, ласковымъ... Въ жизни онъ былъ большой аристократъ: заинтересовать его, даже обратить на себя его вниманіе было нелегко. Но на исповѣди для него всѣ были равны: «Павелъ Флоренскій (котораго онъ считалъ гениемъ и ставилъ безконечно выше себя) и послѣдній мужикъ»... Когда онъ лишился голоса (въ 1939 г. вслѣдствіе операціи рака горла), Господь даровалъ ему особый даръ любви и ласки. Достаточно было прийти къ нему, увидѣть его, чтобы почувствовать себя въ другомъ мѣрѣ: чтобы все трудное, темное, больное исчезло, обезсилилось, перестало существовать. Онъ лѣчилъ уже не словами, не совѣтами, а просто своимъ присутствіемъ, своимъ бытіемъ... И вотъ почему мѣръ сталъ для насъ пустъ, когда изъ него ушелъ о. Сергій...

II.

Жизнь о. Сергія естественно дѣлится на нѣсколько періодовъ, совпадающихъ съ перемѣной имъ его мѣстожителства.

Дѣтство и юность (1871-1895).

О. Сергій — сынъ скромнаго кладбищенскаго священника провинціального города Ливны (Орловской губерніи). Отецъ его — человекъ твердой вѣры, суроваго долга, суховатый и ироничный; мать — поэтическая, мечтательная натура. Большая семья Булгаковыхъ (7 человекъ дѣтей) жила въ большой бѣдности — строгой размѣренной жизнью, твердымъ церковнымъ бытомъ. Не пойти въ церковь, не соблюдать постовъ — казалось просто невысказаннымъ.

Десяти лѣтъ шаловливый и живой мальчикъ поступилъ въ трехклассное Ливенское духовное училище, которое окончилъ первымъ ученикомъ. Затѣмъ — Орловская духовная семинарія, религиозный кризисъ, оставленіе семинаріи, окончаніе гимназіи въ Ельцѣ (что для семинариста было очень трудно) и поступленіе въ Московскій Университетъ. Его влекли къ себѣ философія, филологія; но онъ все же поступилъ на юридическій факультетъ, ибо только тамъ онъ могъ отдаться изученію марксизма, который рисовался ему (какъ, впрочемъ, и большинству русской молодежи) какъ научно обоснованная общественная мораль, какъ служеніе народу, какъ исполненіе своего долга передъ меньшей братіей... Въ 1894 г. онъ блестяще окончилъ университетъ, былъ оставленъ при кафедрѣ политической экономіи, началъ преподавать, женился, сдалъ магистерскій экзаменъ и получилъ заграничную командировку.

Интеллигентъ (1895-1902).

Два года онъ живетъ за-границей, работая научно въ библиотекахъ Берлина, Лондона, Парижа. Два раза ѣздитъ на побывку въ Россію. Этотъ періодъ полонъ ученой работы, увлеченій Западомъ, вѣрой въ социализмъ, дружбой съ Каутскимъ, Бебелемъ, Либкнехтомъ и другими вождями социаль-демократіи. И только впечатлѣнія искусства — «встрѣча» съ Мадонной Рафаэля — отвлекаютъ его отъ царства техники и прогресса и зовутъ къ инымъ идеаламъ. Въ 1901 г. онъ возвращается въ Россію съ двухтомной работой

«Земледѣліе и капитализмъ». Сочиненіе это по своимъ размѣрамъ и учености должно доставить ему степень доктора. Но въ немъ уже нѣтъ монолитной марксистской вѣры. Въ социалистическомъ міровоззрѣніи его уже замѣтенъ надломъ. И, въ виду холоднаго отношенія профессоровъ, университетъ даетъ ему только степень магистра. Но его сейчасъ же избираютъ профессоромъ Кіевскаго Политехническаго Института, гдѣ онъ и преподаетъ въ теченіи пяти лѣтъ.

К і е в ъ (1901-1906).

Это — періодъ внутренней борьбы и духовнаго самоопредѣленія. Социалистическая вѣра надорвана; религія прогресса изжита. Западъ давно пересталъ быть обѣтованной страной — «страной святыхъ чудесъ». И вотъ, на мѣстѣ наивнаго молодого энтузіазма водворяется «философскій нигилизмъ», мрачная резиньяція, прототипъ 'коей онъ находитъ въ «душевной драмѣ Герцена» (такъ озаглавлена его статья, посвященная творчеству этого умнѣйшаго чловѣка). Но душа его не мирится съ духовной пустотой. Въ ней все время идетъ медленная капиллярная созидательная работа. Природа, искусство, семья питаютъ ея религіозные корни, и около 1901 г. въ немъ происходитъ переломъ. Онъ дается ему нелегко. Дверь его сердца не сразу открывается стучащемуся въ нее Христу. Но разъ открывшись, — горница его сердца становится храмомъ, Господь воцаряется въ ней всецѣло и навсегда... Съ этимъ совпадаетъ его молодая слава. Послѣ доклада о религіозно-философскомъ творчествѣ Достоевскаго (21 ноября 1901 г.) толпа студентовъ восторженно несетъ его на рукахъ. Онъ становится вождемъ религіозной интеллигенціи и учителемъ ищущей свѣта молодежи. Въ 1903 г. выходитъ его книга «Отъ марксизма къ идеализму». Въ 1906 г. онъ покидаетъ Кіевъ и занимаетъ кафедру политической экономіи въ Москвѣ.

М о с к в а (1906-1918).

Это — время духовной зрѣлости, церковно-академическаго служенія и свѣтской религіозной проповѣди. Не оставившаяся, продолжается его ученая работа: преподаваніе, лекціи, писаніе книгъ (Очерки политической экономіи. Исторія политическихъ и экономическихъ ученій). Но это — не главное: сокровище духовнаго опыта, вѣра в ъ жизнь во Христѣ должны развернуться въ міросозерцаніи, должны

омлодотворить собою всю мысль, все знание. И здѣсь передъ нимъ открывается безконечное творческое поле. Ибо Православіе не имѣетъ своей философіи, оно существуетъ какъ вѣра, благочестіе и культъ, и только немногіе предтечи (Гоголь, Достоевскій, Бухаревъ) чувствуютъ, что это духовное сокровище должно стать источникомъ творчества во всѣхъ областяхъ жизни. Но для этого необходимо продумать въ свѣтъ Православія всѣ философскія проблемы, проложить путь положительной религіозной мысли, правильнаго отношенія къ жизни. И здѣсь впервые опредѣляется основная религіозно-философская установка о. Сергія — софіологія. Міръ есть созданіе Премудрости Божіей; печать Премудрости лежитъ на всемъ. Все есть Премудрость. Богъ и міръ не отдѣлены непроходимой бездною: міръ — божествененъ, Богъ — человѣченъ. Это — не пантеизмъ (ибо Творецъ всегда остается Творцомъ, а міръ — твореніемъ), а пан-энтеизмъ: все надо мыслить въ Богѣ и Божій ликъ надо видѣть во всемъ. Высочайшій положительный пафосъ окрываетъ эту духовную установку; и она является ключомъ ко всѣмъ проблемамъ мысли и жизни, коэффициентомъ всего философскаго и богословскаго мышленія. Впервые эта мысль высказана о. Сергіемъ въ «Философіи хозяйства» — книгѣ полной свѣжести и вдохновенія, книгѣ молодой и для молодыхъ, — говорящей о мірѣ хозяйства, техники и науки, какъ о садѣ Божіемъ, къ воздѣлыванію котораго призванъ человѣкъ.

Полное свое выраженіе софіологія получаетъ въ «Свѣтъ Невечернемъ», который вмѣстѣ со «Столпомъ и утвержденіемъ истинны» о. Павла Флоренскаго составляетъ компендіумъ русской религіозно-философской мысли... Въ этихъ работахъ о. Сергій преодолеваетъ кантіанство (какъ гносеологическій барьеръ къ метафизикѣ); идеализмъ (какъ системы міровой воли и міроваго разума); социологизмъ (какъ чрезмѣрное выдѣленіе проблемъ общественности въ ущербъ жизни религіозной личности). Свидѣтельствомъ этой огромной работы являются (кромѣ упомянутыхъ книгъ) два сборника: «Два Града» и «Тихія Думы», въ которыхъ, вмѣстѣ съ замѣчательными статьями о первохристіанствѣ, о культурѣ, объ экономикѣ, націи и т. п., собраны характеристики Карлейля, Фейербаха, Маркса, Рескина, Пикассо, Федорова, Леонтьева, Достоевскаго, Толстого, Вл. Соловьева.

По своей природѣ о. Сергій — ученый, мыслитель, изслѣдователь. Проповѣдь его носитъ чисто академическій характеръ и обращена не къ массамъ, а къ личности. Но об-

шественная жизнь все время тянет его къ инымъ кафедрамъ; и вотъ, въ 1907-1908 г. онъ — членъ II Государственной Думы (гдѣ борется противъ смертной казни), общественный дѣятель, публицистъ. Но и здѣсь онъ представляетъ не партію, не доктрину, но моральное сознание и христіанскую совѣсть...

К р ы м ь (1918-1922).

Революція срываетъ съ корней старую Россію. Все превращается въ хаосъ, но въ ревь стихій Православная Церковь, лишившаяся своего деспотическаго покровителя — Имперіи — обрѣтаетъ новую жизнь свободнаго исповѣдничества и героическаго мученичества. О. Сергій — уже извѣстный церковный дѣятель — членъ Всероссийскаго Собора, ближайшій сотрудникъ Патріарха Тихона. Лѣтомъ 1918 г. онъ принимаетъ санъ. За это его сейчасъ же изгоняютъ изъ Университета, и онъ уѣзжаетъ въ Крымъ, гдѣ два года живетъ въ имѣніи своей тещи — Олензѣ — въ обстановкѣ природнаго рая и человѣческаго ада. Кругомъ разстрѣлы, обыски, терроръ. Жизнь о. Сергія въ ежeminутной опасности. Но онъ все же читаетъ лекціи (въ Симферопольскомъ Университетѣ, покауда его оттуда не изгоняютъ), а главное — пишетъ. За это время имъ написаны двѣ его «самыя философскія книги»: «Трагедія философіи» и «Философія имени». Последняя задумана, какъ философское обоснованіе имяславія (за реабилитацію котораго о. Сергій боролся и литературно и какъ членъ Всероссийскаго Церковнаго Собора), но является одновременно и первымъ опытомъ построения православной гносеологии. Это — самая революціонная книга: она ниспровергаетъ не болѣе, не менѣе какъ... традиціонную логику. Основой мышленія является, что о. Сергію, не отвѣченное понятіе, а конкретное слово. Практическимъ осуществленіемъ гносеологии является поэтому не логика, а грамматика! Это сначала поражаетъ своей парадоксальностью, но потомъ видишь, что это есть не что иное, какъ отвѣтственное отношеніе къ первому стиху Евангелія отъ Іоанна. «Въ началѣ было Слово» — эту истину о. Сергій понимаетъ не только богословски и онтологически, но и гносеологически. Слово есть начало не только жизни и творенія, но и мысли и рѣчи...

1 января 1923 г. власти высылаютъ о. Сергія изъ Россіи. «Вы намъ опаснѣе, чѣмъ цѣлая бѣлая армія», сказали